

ГЛАВА 1

— Ну, чего вам? — занял тщедушный парнишка с ранцем за плечами, стоя перед старшекласниками. — Нет у меня денег! И телефона нет!

— Слюнтяй, ничтожество! — неприязненно бросила Надя Чихачева и отвернулась.

— А кто тебе сказал, урод, что мне нужны твои жалкие копейки или твой допотопный телефонишка? — Лешка Муханов засунул руки в карманы и с презрением посмотрел на пацана.

— А чего? — В глазах паренька появилась надежда, что все-таки удастся сбежать, что его не изобьют.

— Встань на колени, насекомое! — холодно приказал Муханов.

— Чего? — испуганно протянул мальчишка, не понимая, чего от него хотят и что его ждет после такого выпада. Он нутром ■

чувствовал, что над ним издеваются, но к унижениям давно уже привык. Его всегда били и пинали и одноклассники, и старшие школьники.

Вовчик Порошин зашел сзади и резко ударил мальчишку под колени, отчего тот упал, прямо в грязь.

— Поцелуй мой ботинок! — приказал Муханов и поднес к лицу жертвы ногу. — Ты ничтожество, а я твой бог!

Надя коротко хихикнула и с восхищением глянула на Муханова. Порошин торопливо еще раз пнул ногой школьника и вопросительно посмотрел на Алексея — может, побить этого недоношенного? На глаза Вадика Левашова навернулись слезы. Он стоял на коленях, глядя на свои измазанные в грязи ладони. Все его мысли были не об унижении. К ним Вадик давно привык, смирился. Он боялся своей матери, которая, увидев грязные штаны, первым делом вытянет сына мокрой тряпкой по лицу и по спине и будет орать, что он не бережет вещи, что мать горбатится на трех работах, а сын не ценит. Это было не столько больно или страшно, сколько очень обидно. Ведь мать была последней инстанцией, единственным близким человеком, кто мог иногда пожалеть, обнять, прижать к себе. И тогда Вадик за-

бывал обо всем на свете. Об унижениях, избиениях, о том, что его сторонятся все одноклассники, что с ним никто не дружит.

Как же ему хотелось иметь друзей, как хотелось, чтобы сейчас из-за угла выскочили его одноклассники, накинулись на эту троицу, которую знала вся школа, заорали бы: «А ну! Оставьте в покое нашего друга!» Но никто и никогда не выскочит. Никто не встанет на защиту. И Вадик, давясь слезами, наклонился и ткнулся мокрыми губами в ненавистный ботинок.

А Надька Чихачева и Вовка Порошин стояли и смеялись. Все знали, что они хвостом ходят за Мухановым и делают все, что он велит. А Лешка Муханов наслаждается тем, что может издеваться над кем захочет. И теперь все будут знать, что Вадька целовал ботинок Муханову...

Гуров попросил остановить машину и открыл дверь. Водитель, немолодой сержант, молча ждал, думая о том, что это взбрело столичному полковнику в голову.

— Я сейчас, — кивнул Гуров водителю. — Я ненадолго.

Бросив папку на сиденье, он отошел от машины, глядя под ноги на молодую и еще совсем невысокую траву. Потом на строй-

ные березки на высоком яру, которые наклонились к обрыву, будто заглядывают сверху в воду. Нежная листва, еще клейкая, не распустившаяся в эту пору до конца, она имела сейчас тот самый насыщенный глубокий зеленый цвет, который Лев так любил. Листья слабо шевелились на ветерке, и тонкие веточки, свисавшие до самой травы, тоже покачивались, как девичьи косы. Смущенная девица опустила голову, и косы повисли, подумалось сыщику.

Приехав в командировку в Рязань с плановой проверкой работы подразделений уголовного розыска, он не мог не остановиться и не подышать есенинским воздухом. При слишком напряженном режиме работы не было возможности съездить в Константиново, на родину Есенина. Но проехать мимо такой красоты, такого вот типичного «есенинского» пейзажа с березками тоже было выше его душевных сил.

— Эх, Маша, Маша! — добродушно проворчал себе под нос Гуров. — Что сделала со своим мужем — матерым полковником? Хотя ты права, моя девочка. Не ты со мной сделала, а я женился на театральной актрисе именно потому, что душа у меня не черствая, а очень даже лиричная, где-то глубоко внутри. И ты это во мне разглядела. По-

этому и замуж за меня вышла. И живешь со мной столько лет.

Напряженная работа этой недели, когда пришлось разбираться в выявленных нарушениях, составлять документы, готовить методические рекомендации, сказывалась. Хотелось скорее добраться до гостиницы и упасть на кровать, закрыть глаза. Но проехать мимо такого красивого пейзажа, да еще на родине Сергея Есенина, он никак не мог. «Да, — думал Лев, — красота совершенна. Совершенна так же, как совершенно идеальное уродство. И все потому, что они идеальны. Красота Порядка и красота Хаоса. Красота спокойствия и красота возмущенного сознания, буйства эмоций. А ведь так и есть! Поэтому поэзией Есенина восхищаются не меньше, чем трибунными строками Маяковского. Правда, среди современных ценителей мало кто помнит, что у Маяковского тоже есть лирика. И она не менее душевна, чем у Есенина».

Постояв, полюбовавшись на мирно текущую Оку, на тонкие изящные стволы берез, Гуров вздохнул и пошел к машине. Все казалось, оглянься он сейчас назад, и обязательно увидел бы сидящего под березкой папушка в красной рубашке с дудочкой. Или стайку простоволосых веснушчатых девчу-

шек в простых сарафанах и с корзинками для грибов. Или на самом краю яра пару, держащуюся за руки... Парень и девушка. А на головах венки из весенних цветов... вон, с желтыми головками одуванчиков. Он не обернулся, потому что был уверен, что ничего подобного не увидит. Не хотелось расстраиваться, хотелось сохранить в памяти эти образы, навеянные «есенинским» пейзажем.

— В Управление! — сухо приказал Лев, сядя в машину.

Вернувшись в Рязань, он отпустил машину возле Главного управления МВД по городу и вошел в здание. На этаже, где располагался отдел уголовного розыска, было на редкость суетно. Обычно к концу рабочего дня оперативники возвращались в свои кабинеты писать рапорты о проделанной работе, собирались на планерки. Но сейчас, едва не толкнув Гурова плечом, пробежал эксперт-криминалист, разговаривая с кем-то по телефону. Высунув голову из своего кабинета, начальник уголовного розыска Молчан крикнул кому-то, чтобы брали его машину. Рядом открылась дверь, и старший лейтенант Вадик Попков, наткнувшись на московского полковника, вежливо и торопливо извинился, пытаясь обойти его.

— Стой, Вадим! — ухватил Лев оперативника за карман куртки. — Что за война?

— А? — Попков вежливо улыбнулся, пытаясь освободиться. — Ничего такого, Лев Иванович. Труп девушки нашли в лесопарке. А я дежурю сегодня.

— А суета чего такая? — не унимался Гуров. — Дело-то обычное. Часто трупы находятяся.

— Грибники нашли. Боимся, что натопчут там. Вот и торопимся.

Отпустив оперативника, Лев вошел в кабинет, который ему выделили для работы на время командировки, и бросил на стол папку с бумагами. Что-то насторожило его в этой суете, а он свято верил в интуицию, которая его никогда не подводила. Не в интуицию как нечто сверхъестественное, озаоряющее сознание неожиданными догадками, а в закономерную способность делать правильные объективные выводы из набора фактов на уровне подсознания. Сначала формируется где-то глубоко, кажется, даже независимо от сознания, подозрение, волнение, неудовлетворенность, какая-то смутная догадка. Потом все это подкрепляется информацией, полученной визуальным путем, и, опираясь на огромный опыт, сознание начинает делать выводы, в резуль-

тате чего на фоне понимания, что «что-то тут не так», появляются варианты объяснения, «а что же тут не так». Молодая девушка, подсказывал опыт, просто так умереть не может, если только она не хронически больной человек или если это не несчастный случай. Вот и суета в отделе, да и не только в отделе уголовного розыска. Наверняка на ноги подняли и отдел организации службы участковых и подразделений по делам несовершеннолетних. Никто же не знает, сколько лет погибшей. И что выяснится в результате? Наркотики, нарушения закона группой подростков, суицид. Детская смертность — это всегда неприятно, дико, нелепо и с трудом укладывается в голове нормального человека. Дети не должны умирать. А если такое случилось, значит, где-то кто-то недоработал, значит, где-то непорядок. Гуров вздохнул от этих невеселых мыслей и занялся своими бумагами. Можно подумать, решил он, с недовольством упрекая самого себя, что смерть взрослого человека — это порядок.

День закончился. Все документы подписаны, все замечания, которые должны быть сделаны в устной форме, как пожелания или предупреждения на будущее, тоже сделаны. ■ Гуров сидел в кабинете заместителя началь-

ника УВД полковника Серегина, покручивая в руке бокал с коньяком. Начальник отдела уголовного розыска Молчан, извинившись, убежал после звонка из «дежурки». Пить не хотелось, разговаривать тоже. Гуров слишком хорошо знал, что думают местные руководители, когда к ним приезжают с проверкой из какого-нибудь Главка МВД. Проверяющие тут чувствуют себя полноправными хозяевами, а это все-таки их «епархия», их «вотчина». В пределах определенных рамок они могут сами все наладить. А тут приезжает чужой человек, но с полномочиями МВД, и пытается влезть во все, учить, советовать, а то и наказывать. А ведь зачастую нарушения случаются как раз из-за желания сделать лучше, проще, эффективнее. Но... увы, с нарушениями правил и инструкций. Накажут, задержат звание, выговор пришлют, но ведь все равно все останется на прежнем месте.

Бывает, что нарушают и законы, этого тоже скрывать не стоит. За серьезные нарушения с работы снимают, званий лишают, а то и что похуже. Но это уже из другой области. Там уже не просто проверяющий, там целые комиссии из МВД работают. А сейчас... Все сказано, все проверено, рекомендации вынесены, с нарушениями все согласны и обязуются впредь...

Гуров почти не слушал Серегина, думая о своем. Полковник что-то рассказывал о предыдущей снежной зиме, о том, что город почти был в коллапсе. И как полиции приходилось оперативно реагировать на события в городе, и каково было подразделениям в области, где заметало и заваливало дороги снегом. Скорее всего, он просто тянул время — говорить о чем-то надо, вот он и говорит. Но у Серегина море работы, а он сидит и «развлекает» проверяющего.

— Ну, не буду больше утомлять вас. — Лев решительно поднялся, поставил бокал на стол и уловил нотку облегчения во взгляде полковника. — Спасибо за хороший прием. Приятно было поработать у вас.

— И вам спасибо, Лев Иванович, — протянул руку Серегин. — За рекомендации, за помощь, за объективность и... профессионализм. Вы утром не беспокойтесь, я пришлю за вами машину в гостиницу. И не спорьте! Принимающая сторона обязана беспокоиться и принимать, так сказать, как положено!

— Пожалуй, не буду спорить, — засмеялся Лев, пожимая руку полковнику. — Но только на утро. Хочу напоследок прогуляться по вашему вечернему городу.

Ну, вот и все, подумал он, выходя из здания Управления. Осталось пройтись по го-

роду, без суеты полюбоваться его огнями и не думать о цифрах по раскрываемости, о нарушении инструкции по использованию оперативных средств, а думать о возвращении домой, о встрече с Машей, о том, что завтра она будет ждать его, и у них снова будет ужин при свечах, хорошее вино и взгляды, которые красноречивее многих слов. Когда столько лет живешь с человеком, то многое уже понимаешь просто по одному взгляду. И то, как прошел его день, что его беспокоит и чему он радуется. А главное, все ценнее и важнее становится такое понятие, как дом. Не квартира, не помещение, в котором ты ночуешь, а настоящий родной Дом...

Наутро в номер Гурова постучали.

— Не разбудил, Лев Иванович? — Вошедший Молчан был серьезен, хотя старался демонстрировать беззаботность и прекрасное утреннее настроение. — Вот, решил сам вас проводить.

— Ну, я так думаю, что у вас, Олег Владимирович, вопросы ко мне остались? — улыбнулся Лев, надевая пиджак. — Дело ведь не только в личной симпатии и понимании долга принимающей стороны по отношению к высокопоставленному гостю из министерства?